

ФИНАЛЬНЫЙ НЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ*

Николай Александрович КЛЮЕВ,
кандидат исторических наук

Оксана Вадимовна ЯНШИНА,
кандидат исторических наук

Одним из самых динамично развивающихся направлений в археологии Приморья в последние десятилетия является неолитоведение. Это видно и по значительному росту источниковой базы, и по тем результатам, которые получены в итоге исследований. В научный оборот в виде монографических работ введены материалы таких опорных памятников, как Валентин-перешеек, Чертовы Ворота, Рудная Пристань, Бойсмана-1, Бойсмана-2. Общие построения, связанные с характеристикой эпохи неолита в регионе, выдвинутые в публикациях 50—70-х годов прошлого столетия, дополняются углубленным анализом по целому ряду позиций, начиная с генезиса культур и заканчивая выделением в них локальных вариантов и хронологических этапов. На плодотворность научного поиска существенное влияние оказывает применение современных методов исследований и прежде всего широкое использование целого спектра методов естественных наук.

Получение нового массива данных закономерно ведет к расширению наших знаний об эпохе неолита в Приморье, к выявлению ранее незамеченных тенденций в развитии культур этого периода. Именно на эти моменты делается упор в данной статье, при анализе итогов работ на новом памятнике финального неолита Приморья — поселении Анучино-14. В основу выводов положены результаты анализа керамической коллекции памятника — одной из наиболее информативных категорий археологического материала.

Поселение располагается в 3,5 км к востоку от с. Анучина и в 4,8 км к югу от с. Старогордеевки, в пади Рудановской. Занимает оно северную часть вершины мысовидного отрога (высота над уровнем ручья составляет около 30 м) сопки, которая с севера и запада обрывается в долину ключа Рудановского, правого притока р. Арсеньевки. Сам отрог является частью гряды сопки, ограничивающей падь с востока. С юго-востока отрог сопки смыкается с основной грядой. Поселение имеет внешние признаки. Всего при осмотре было зафиксировано 6 западин, расположенных компактной группой. Все они имели округлые очертания и чашевидную форму. Диаметр западин 4—9 м, глубина — в среднем 0,5 м. Нарушений культурного слоя не отмечено. Ориентировочно площадь поселения составляет 1000 кв. м.

В течение нескольких сезонов (1999 — 2001 гг.) на поселении велись полевые исследования. Оценивая в целом их результаты, можно сказать, что работы на поселении Анучино-14 пополнили источниковую базу археологии Приморья еще одним очень интересным археологическим памятником. Здесь

* Работа выполнена в рамках реализации гранта ФЦП «Интеграция». Код проекта Э0022.

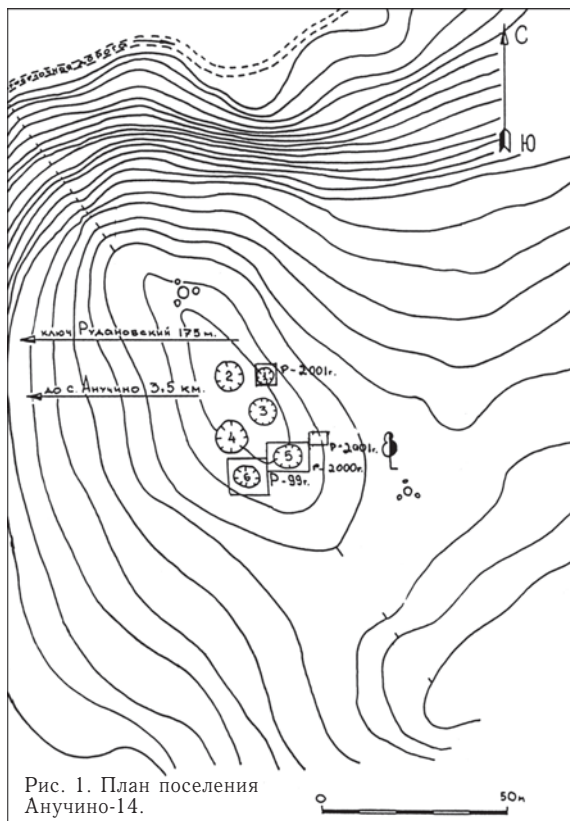

Рис. 1. План поселения Анутино-14.

были выявлены культурные остатки финального неолита и эпохи палеометалла — двух самых проблемных, с точки зрения историографии, культурно-хронологических этапов развития Приморья. Большую ценность материалам поселения придает то обстоятельство, что оба названных комплекса здесь оказались четко связанными с конкретными стратиграфическими горизонтами и жилищами.

Местом раскопа 1999 г. была выбрана западина № 6, находящаяся в южной части памятника (рис. 1). Раскоп имел площадь 100 кв. м. В нем были выявлены остатки двух культурно-хронологических этапов заселения памятника. Ранний комплекс, представляющий финальный неолит Приморья, стратиграфически в раскопе выделен не был и находился в переотложенном состоянии. Поздний комплекс, относящийся к эпохе палеометалла, оказался основным и

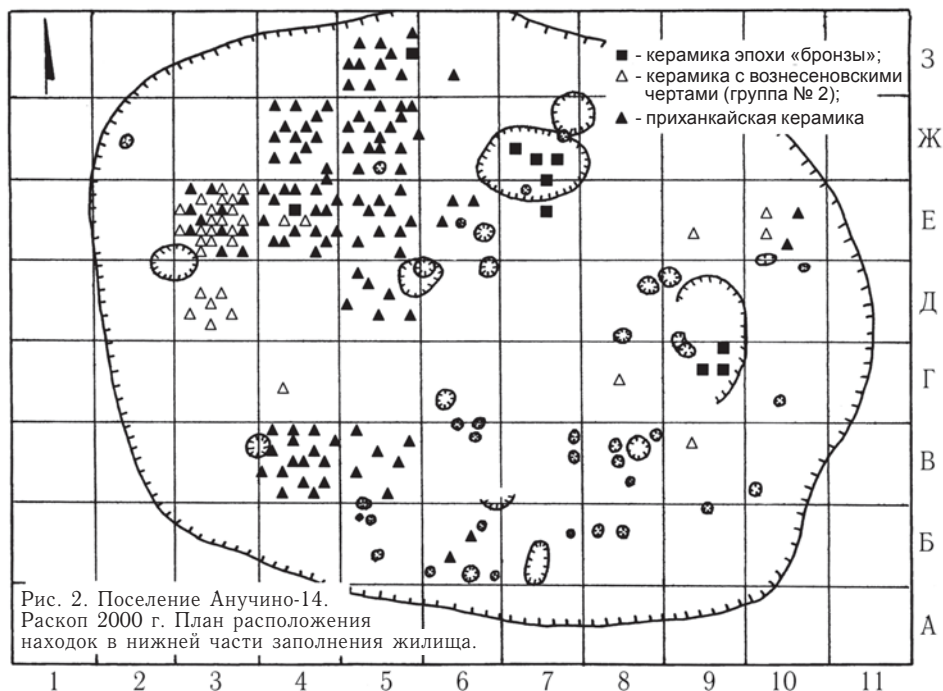
был связан с остатками слегка углубленного в землю жилища.

Для раскопа 2000 г. была выбрана западина № 5 в южной части памятника (рис. 1). Площадь раскопа составила 88 кв. м. В раскопе находились остатки жилища периода финального неолита, общей площадью около 60 кв. м (рис. 2). Жилище представляло собой полуземлянку, имело овальные очертания и было вытянуто в направлении восток — запад. Так как постройка была сооружена на небольшом склоне, высота материковых бортиков жилища колебалась от 5 до 60 см. В жилище обнаружили очаг овальных очертаний (1,4 на 0,9 м), его глубина достигала 25 см. В центре жилища располагалось несколько ям от опорных столбов. Судя по выявленной над полом горелой прослойке, жилище погибло от пожара.

В процессе раскопок 2000 г. получены и материалы, относящиеся к позднему этапу заселения памятника. Характер распределения находок по площади раскопа показывает, что представители эпохи палеометалла в значительной степени потревожили комплекс финального неолита, хотя и не в полной мере. Так, в нижней части заполнения жилища, в северо-западном его углу, неолитические находки остались практически нетронутыми. Об этом свидетельствуют как их прекрасная сохранность (скопления артефактов и развалы нескольких горшков), так и отсутствие здесь более поздних находок (рис. 2).

В 2001 г. изучалось в основном межжилищное пространство. Заложенные два небольших раскопа дали находки как эпохи неолита, так и палеометалла.

К анализу в рамках настоящей статьи привлекаются все фрагменты керамических сосудов, которые можно сопоставить с эпохой неолита. Сюда входят 48 венчиков и 130 фрагментов орнаментированных стенок из раскопа 1999 г., 2 археологически целых сосуда, 109 венчиков и 374 фрагмента орнаментиро-

ванных стенок из раскопа 2000 г., 74 венчика и 313 орнаментированных стенок из раскопов 2001 г.

Рассматриваемая керамика отличается хорошим качеством. Черепок, как правило, прочный. Тесто плотное, хорошо отмученное. Примесь равномерная, в зависимости от размеров сосудов мелко- или среднезернистая. Толщина стенок варьирует в пределах 0,4—0,7 см, в среднем 0,6 см, и выдерживается на всем профиле сосудов. Формовка и обработка поверхностей велись аккуратно. Поверхности ровные, гладкие, нелощеные. Неровностей, вмятин и других следов формовки обычно нет. Температура обжига, вероятно, доходила до 700° С. Изломы черепков светло окрашены и по цвету не отличаются от цвета поверхностей, следов недожога (серо-зеленой или углистой полосы), как правило, не имеют. Отсутствуют также и характерные для неравномерного кострового обжига темные пятна на поверхностях сосудов. Преимущественная цветовая гамма рассматриваемой керамики светлая, красновато- или желтовато-коричневая, редко встречаются фрагменты, равномерно окрашенные в грязно-желтые, темно-серые или красновато-бурые тона.

Подавляющая часть керамики была изготовлена по рецепту «глина + минеральный отощитель». Для некоторого числа керамики этой группы характерно использование в качестве минерального отощителя дробленого талька. Его могло быть очень много в черепках, за счет чего последние приобрели характерную «мыльную» на ощупь поверхность, а могло быть и очень мало, тогда визуально в теле и на поверхности черепка фиксируются лишь его отдельные частицы. Такое различие в количестве вводимого в состав формовочной массы талька не позволяет точно определить удельный вес керамики с тальком в рассматриваемом комплексе, однако, судя по всему, ее было в целом не более 10 %. Следует отметить, что наблюдается некоторая связь талька с керамикой характерного красновато-бурого цвета. Фрагменты красновато-бурого цвета всегда имели в своем составе тальк, хотя сами по себе фрагменты с тальком могли иметь и не только такую окраску.

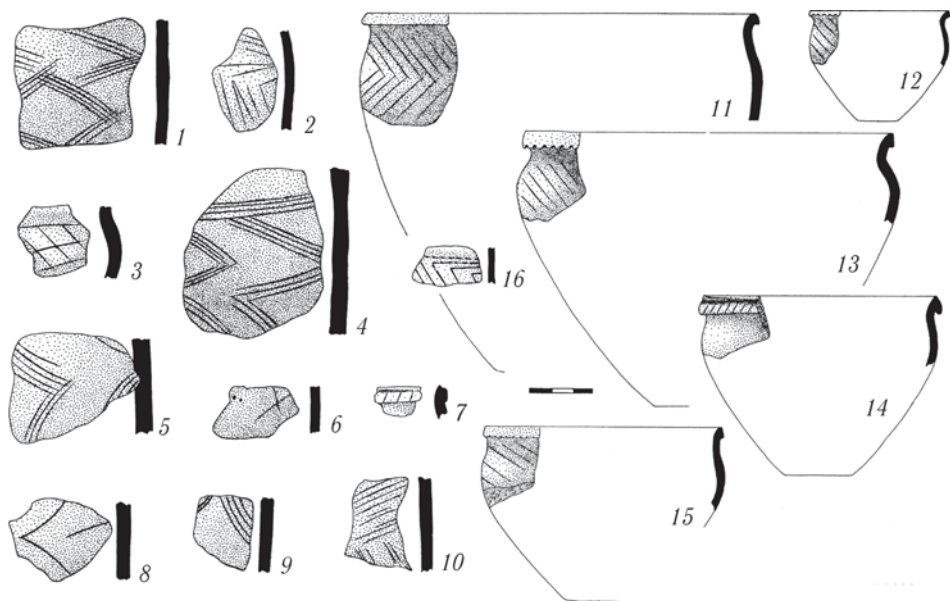

Рис. 3. Поселение Анучино-14. Керамика приханкайской орнаментальной группы.
11—13 — раскоп 1999 г.; 16 — раскоп 2000 г.; 1—10, 14, 15 — раскоп 2001 г.

Небольшая часть керамики была изготовлена по рецепту «глина + пресноводный моллюск». Точно выяснить удельный вес такой керамики не представляется возможным, так как для более поздних обитателей памятника было также характерно использование в качестве отощителя керамики пресноводного моллюска. Безошибочно к комплексу финального неолита можно отнести лишь те фрагменты керамики с органикой, которые имели декор. Таких очень мало, не более 1 %, если считать от общего числа орнаментированных фрагментов.

Как одну из деталей технологического процесса следует отметить, что в редких случаях на поверхность сосудов рассматриваемого керамического комплекса наносился тонкий слой обмазки, имевшей иной окрас, чем сам черепок. Это фиксируется довольно четко, так как уже отмечалось, что изломы последних по своему цвету не отличались от цвета поверхностей.

В основе анализа форм керамической посуды лежат 5 крупных фрагментов раскопа 1999 г., 22 крупных фрагмента и 2 археологически целых сосуда раскопа 2000 г., 11 крупных фрагментов раскопа 2001 г. В основе выделения типов форм лежат археологически целые сосуды и сосуды, сохранившиеся не менее чем на 2/3 своей высоты.

Коллекция керамической посуды оказалась представленной сосудами двух структурных классов: с горловиной и без нее. Количественно преобладали первые. Из 40 привлекавшихся к анализу фрагментов керамических сосудов горловину имели 35. Правда, следует отметить, что горловина практически у всех сосудов была лишь слабо намечена и оформлена либо легким сужением стенок в приустевой части, либо путем резкого отгиба наружу венчика. Нередко возникали затруднения при отнесении отдельных фрагментов к тому или иному структурному классу сосудов. Было принято считать сосуд профилированным, т. е. имеющим горловину, в тех случаях, когда высота горловины (H_1/H) и отношение диаметров горловины и устья (D_2/D_1) составляли соответственно не менее 0,05 и 0,98.

Класс сосудов с горловиной представляют типы 1—3.

Тип 1. Сосуд приземистый типа миски (рис. 4: 1, 2; рис. 5: 5). Отношение общей высоты сосуда к его максимальному диаметру 0,5—0,6. Горловина ко-

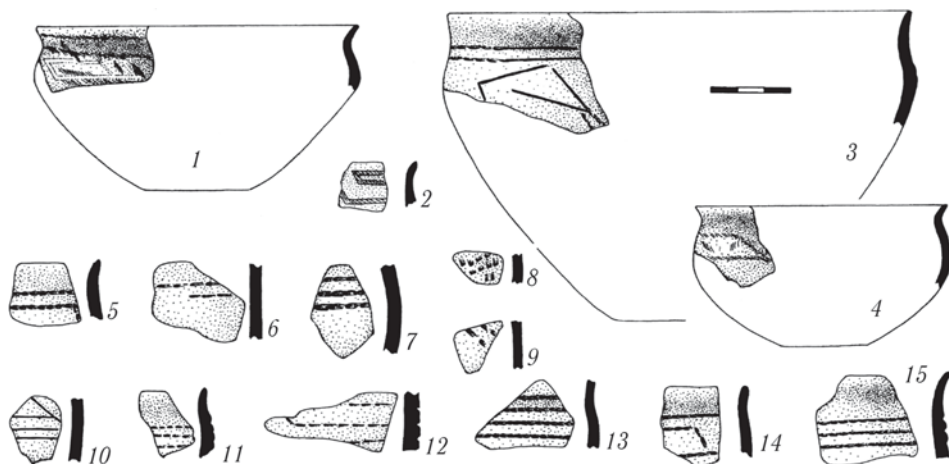

Рис. 4. Поселение Анучино-14. Керамика приханкайской орнаментальной группы.

Фрагменты сосудов, украшенные меандром и близкими к нему композициями:

13—15 — раскоп 1999 г.; 1—7 — раскоп 2000 г.; 8—12 — раскоп 2001 г.

роткая или средняя. Отношение высоты горловины к общей высоте сосуда 0,08—0,17. Сосуд слабо профилирован. Отношение диаметра основания горловины к диаметрам устья и тулова соответственно 0,96—0,97 и 0,93—0,97. Отношение высоты точки максимального диаметра сосуда к высоте тулова сосуда 0,66—0,87.

Тип 2. Сосуд приземистый (рис. 3: 13—15; 4: 3; 5: 2, 3). Отношение общей высоты сосуда к его максимальному диаметру 0,65—0,75. Горловина короткая или средняя. Отношение высоты горловины к общей высоте сосуда 0,06—0,113. Сосуд слабо профилирован. Отношение диаметра основания горловины к диаметрам устья и тулова — соответственно 0,95—1 и 0,92—0,96. Отношение высоты точки максимального диаметра сосуда к высоте тулова сосуда 0,81—0,89.

Тип 3. Сосуд приземистый или слегка вытянутый по вертикали (рис. 3: 11; 5: 1, 4). Отношение общей высоты сосуда к его максимальному диаметру 0,78—1,06. Горловина короткая или средняя. Отношение высоты горловины к общей высоте сосуда 0,05—0,14. Сосуд слабо профилирован. Отношение диаметра основания горловины к диаметрам устья и тулова соответственно 0,93—1 и 0,9—0,96. Отношение высоты точки максимального диаметра сосуда к высоте тулова сосуда 0,72—0,89.

Класс сосудов без горловины представляют типы 4 и 5.

Тип 4. Сосуд приземистый. Отношение общей высоты сосуда к его максимальному диаметру 0,66—0,67. Сосуд имеет слегка закрытую форму. Отношение диаметра устья к максимальному диаметру сосуда 0,91—0,96. Отношение высоты точки максимального диаметра сосуда к высоте тулова сосуда 0,72—0,83.

Тип 5. Сосуд приземистый (рис. 6: 3—5). Отношение общей высоты сосуда к его максимальному диаметру 0,77—0,93. Сосуд имеет слегка закрытую форму. Отношение диаметра устья к максимальному диаметру сосуда 0,93—0,98. Отношение высоты точки максимального диаметра сосуда к его высоте 0,73—0,84.

Данные о количественном соотношении типов керамических сосудов в коллекции представлены в таблице (шт.). →

К анализу венчиков привлекались все имеющиеся в коллекции обломки верхних частей сосудов, всего таких 231, и два археологических целых сосуда. По особенностям строения все венчики рассматриваемого комплекса делятся на два класса: сложные (219) и простые (14). Сложные венчики оформлялись с на-

Тип 1	10
Тип 2	4
Тип 3	21
Тип 4	2
Тип 5	3

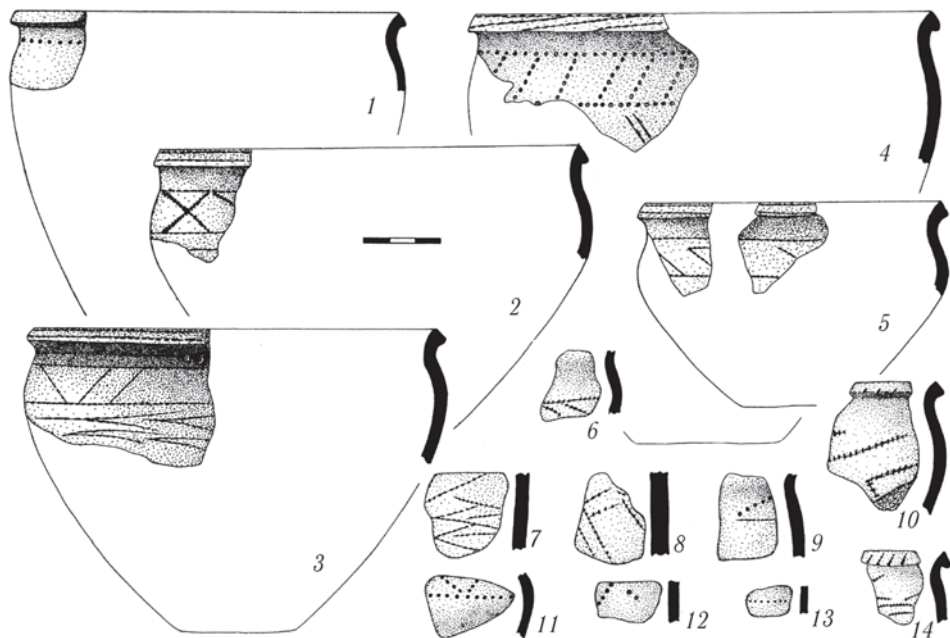

Рис. 5. Поселение Анучино-14. Керамика с вознесенскими чертами (орнаментальная группа № 2): 1, 8, 10 — раскоп 2001 г.; 2—7, 9, 11—14 — раскоп 2000 г.

ружной стороны с помощью подтреугольного в сечении валика, который всегда смыкался с кромкой венечной ленты. Относительно вертикальной оси сосуда сложные венчики всегда были отогнуты наружу, иногда очень резко. Обрезы сложных венчиков, как правило, оставались приостренными. Простые венчики также были отогнуты наружу, но лишь слегка, и имели приостренно-овальные обрезы.

Орнаментация посуды характеризуется сочетанием двух сравнительно обособленных орнаментальных групп керамики. Одна из них типична для памятников приханкайского типа, другая — своеобразна и поэтому будем называть ее пока орнаментальной группой № 2.

Приханкайская орнаментальная группа

Если взять для анализа только крупные фрагменты сосудов с сохранившимся максимальным диаметром, то в целом о декоре данной группы керамики можно сказать следующее. Орнаментированные сосуды украшались в области венчика и тулова. При этом примерно треть сосудов была украшена как по венчику, так и по тулову (25 фрагментов), примерно треть только в зоне тулова (19 фрагментов) и лишь два сосуда — только в зоне венчика. Около трети сосудов в коллекции оставалось вообще без всякого декора (19 фрагментов).

Всего фрагментов, дающих представление о декоре венчиков, 88. Украшались венчики либо только по верхней грани валика (6 фрагментов), либо лишь по стыку верхней и нижней граней валика (82 фрагмента). Узор на верхней грани валика представлял собой горизонтальный ряд линий, либо наклоненных вправо (3 фрагмента) или влево (1 фрагмент*), либо наклоненных попеременно группами то вправо, то влево (2 фрагмента). Техника нанесения декора — протаскивание. В отдельных случаях на верхней грани валиков встречаются какие-то горизонтальные бороздки, но их появление здесь вполне могло быть обусловлено технологическим процессом лепки венчиков.

* Возможно, что это просто фрагмент от сосуда, где верхняя грань украшена прочерками, наклоненными попеременно то вправо, то влево.

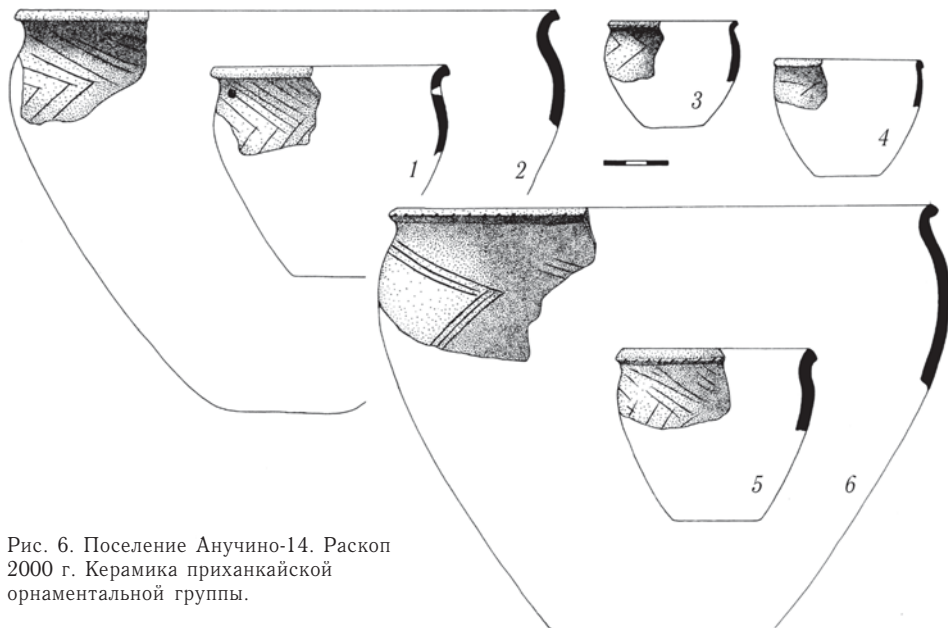

Рис. 6. Поселение Анучино-14. Раскоп 2000 г. Керамика приханкайской орнаментальной группы.

Узор на стыке верхней и нижней граней валика представлял собой горизонтальный ряд насечек, прочерков или узких подовальных вдавлений, либо наклоненных вправо (69 фрагментов) или влево (2 фрагмента), либо вертикальных (11 фрагментов).

Образцов, дающих представление о декоре тулова, всего 889.

Вертикальный зигзаг определяется на 82 фрагментах керамики (рис. 3; 6). В подавляющем большинстве случаев (81 фрагмент) вертикальный зигзаг выполнялся в технике протаскивания инструментом с заостренным рабочим концом. Чаще всего (48 фрагментов) таким инструментом служила гребенка с двумя (16 фрагментов), тремя (8 фрагментов) и более (8 фрагментов) зубцами. Расстояние между последними не превышало 3 мм, за счет чего линии вертикального зигзага оказывались близко расположенными друг к другу. Интересно, что на отдельных фрагментах узор мог выполняться гребенкой с различным числом зубцов, зафиксированы, например, следующие сочетания: 2 + 3; 2 + 1; 4 + 3; 6 + 3; 5 + 2 и др. (см., например, рис. 3: 1, 4). В ряде случаев (33 фрагмента) можно предположить, что вертикальный зигзаг наносился однострунным инструментом-палочкой (см., например, рис. 6: 3, 4). Линии такого узора были не всегда параллельны друг другу, имели разную длину, а расстояние между ними было не меньше 5—6 мм, за счет чего рисунок значительно отличался от того, что выполнялся гребенкой.

В единственном случае зафиксировано выполнение вертикального зигзага в технике отступающей палочки с острым рабочим концом. При этом на одних участках линии выполнены в технике отступания, а на других — в технике протаскивания (рис. 3: 16).

Характерной особенностью в целом вертикального зигзага анучинской коллекции является некоторая изогнутость его линий. На отдельных фрагментах видно, что это могло быть не только произвольным результатом специфики используемых орнаментов (например, ветки), но и результатом вполне осознанного стремления мастера (см., например, рис. 3: 4, 5, 8).

«Сетчатый» мотив определяется на 11 фрагментах (рис. 3: 4). Обозначение узора на этих фрагментах как сетчатого в известной степени условно. Он представляет собой чрезвычайно хаотичное нагромождение линий, пересекающихся и переплетающихся друг с другом. Возможно, эти фрагменты отража-

ют не самостоятельный мотив, а являются лишь обрывками каких-то иных композиций. Выполнялись «сетчатые» узоры в технике протаскивания инструментом с заостренным рабочим концом. Это могла быть и палочка, и гребенка.

Дугообразный мотив определяется на 21 фрагменте (рис. 3: 9). Выполнялся этот узор в технике протаскивания инструментом с заостренным рабочим концом-палочкой (1 фрагмент), гребенкой с двумя зубцами (4 фрагмента), тремя и более зубцами (16 фрагментов). На одном из фрагментов видно, что рисунок нанесен гребенкой с тремя и четырьмя зубцами. Расстояние между зубцами инструмента не превышало 2 мм, за счет чего линии узора оказывались близко расположенными друг к другу.

Меандровидные композиции зафиксированы на 17 фрагментах (рис. 4). Ни на одном из имеющихся фрагментов какие-то определенные фигуры меандра не определяются, композиции довольно хаотичны и «бессмысленны». На одном фрагменте узор начинался сразу под обрезом венчика и представлял собой композицию из двух прочерченных линий, пространство между которыми было заполнено косыми насечками (рис. 4: 2). По технике исполнения этот узор очень похож на меандры приханкайского комплекса поселения Кроуновка. На четырех фрагментах рисунок выполнен в весьма характерной и небрежной манере — сочетанием пролощенных дорожек и дорожек из насечек; иногда те и другие накладывались друг на друга, иногда пролощенные дорожки вообще исчезали (рис. 4: 1, 4). По характеру исполнения узор на этих фрагментах также близок к меандрам приханкайского комплекса поселения Кроуновка, хотя и имеет уже несколько «вырожденный» вид. На остальных фрагментах меандровые композиции были выполнены палочкой или лопаточкой в технике отступления (рис. 4: 5—15), на одном из них — сочетанием техник отступления и протаскивания (рис. 4: 3).

На остальных фрагментах орнамент представлен обрывками взаимопересекающихся или наклонных линий, выполненных в технике протаскивания. Основная их часть, вероятно, представляет мотив вертикального зигзага.

В таблице приведены общие данные о том, как представлены в коллекции различные варианты технического исполнения узоров. Из нее видно, что подавляющее число фрагментов керамики орнаментировалось в технике протаскивания:

протаскивание	871
отступление	11
насечки + лощение	4
насечки + протаскивание	1
протаскивание + отступление	2
Итого	889

По отдельным сохранившимся фрагментам можно предположить, что вертикальный зигзаг, «сетчатые» и дугообразные узоры занимали всю поверхность тулова сосудов, тогда как меандровидные композиции располагались либо строго выше линии максимального диаметра тулова сосудов, либо они также занимали и область его максимального диаметра.

Фиксируется четкая взаимосвязь орнаментальных мотивов с особенностями формовки венчиков. Вертикальный зигзаг, «сетчатые» и дугообразные узоры сочетаются только со сложными венчиками, а меандровидные — только с простыми.

Орнаментальная группа № 2

В декоре данной группы керамики выделяются две зоны — венчик и тулово, почти всегда сочетающиеся друг с другом. Всего найдены фрагменты верхних частей восьми различных сосудов: у семи были украшены и венчик, и тулово, а у восьмого — только тулово.

Венчик украшался либо только по верхней грани валика (7 фрагментов), либо только на стыке верхней и нижней граней валика (1 фрагмент). Варианты декора на верхней грани валика следующие: композиция из двух параллельных горизонтальных линий (рис. 5: 2, 3, 5); композиция из горизонтальной линии, идущей вдоль самого обреза венчика, и примыкающих к ней снизу

под углом наклонных линий (рис. 5: 4); композиция из коротких линий, расположенных почти вертикально через равные промежутки (рис. 5: 14). Техника нанесения декора на верхней грани валика — «зубчатое колесико» и наколы 4-зубым инструментом. Декор на стыке верхней и нижней граней валика представлял собой горизонтальный ряд наклонных насечек.

Тулово сосудов украшалось следующим образом.

У четырех сосудов композиция на тулове начиналась сразу под венчиком с горизонтального пояса, представлявшего собой две параллельные горизонтальные линии, между которыми заключались наклонные линии, или пересекающиеся друг с другом, или параллельные друг другу, а также линии, образующие треугольник (рис. 5: 2—5). У трех из этих сосудов ниже горизонтального пояса начинался основной узор: на одном из них отчетливо видно, что это был вертикальный зигзаг, на двух других мотив не определяется (рис. 5: 2—4). У четырех других сосудов горизонтальный пояс отсутствовал, и основной узор начинался сразу под венчиком (рис. 5: 1, 10, 14). Мотивы его в двух случаях точно не определяются, в третьем это был вертикальный зигзаг, а в четвертом — одиночная горизонтальная линия, идущая вдоль окружности сосуда.

Из разрозненных фрагментов стенок различных сосудов интересны два. На одном из них отчетливо определяется вертикальный зигзаг (рис. 5: 7), на другом — обрывки композиции в виде горизонтального пояса, внутри которого заключены наклонные линии, вероятно, образующие треугольники (рис. 5: 11). Последний фрагмент интересен тем, что здесь отчетливо видно отсутствие декора ниже этого горизонтального пояса.

Техника нанесения декора на тулове сосудов представлена следующим образом:

«зубчатое колесико»	40
накол	6
«зубчатое колесико» + накол	1
накол + протаскивание	2
итого	49

Обособление в рамках керамического комплекса финального неолита рассматриваемого памятника, типично приханкайского по всем своим признакам, орнаментальной группы № 2 заставляет авторов задаться вопросом, правомерно ли оценивать данный керамический комплекс как единый. Обобщенный анализ всей совокупности данных приводит к положительному ответу на этот вопрос.

Во-первых, условия обнаружения керамики орнаментальной группы № 2 идентичны условиям обнаружения приханкайской керамики. Самая большая ее часть так же, как и в случае с приханкайской керамикой, собрана в раскопе 2000 г. При этом крупные фрагменты сосудов и их развалы находились в северо-западном углу жилища, в нижней части его заполнения и на полу, т. е. там же, где и основная масса приханкайской керамики (рис. 2).

Во-вторых, формы сосудов и способы формовки венчиков не обнаруживают каких-либо различий при их корреляции с двумя выделяемыми орнаментальными группами. Они идентичны как для керамики орнаментальной группы № 2, так и для керамики приханкайской.

В-третьих, в коллекции присутствуют фрагменты сосудов, сочетающие в себе как характерные черты приханкайской керамики, так и характерные черты керамики орнаментальной группы № 2. Это фрагменты, украшенные в гребенчато-пунктирной технике по тулову и насечками по венчику (рис. 5: 10); фрагменты, украшенные по венчику гребенчато-пунктирными оттисками, а по тулову — прочерченным и накольчатым узорами (рис. 5: 4); фрагменты, сочетающие характерный для второй орнаментальной группы способ украшения валика (по верхней грани) и типично приханкайские узоры на тулове.

Хотелось бы акцентировать общую малочисленность фрагментов, сочетающих типичные черты приханкайской керамики и керамики орнаментальной группы № 2. Их доля в коллекции не превышает 1 %. Кроме того, любопытно и полное отсутствие фрагментов, где бы сочетались типичные и для той, и для

другой группы способы оформления венчиков — декор на верхней грани валика, с одной стороны, и на стыке верхней и нижней граней валика — с другой. Аналогичные явления наблюдаются, например, в керамике маргаритовских памятников, где так же, как и в Анучино-14, на фоне общности форм посуды и венчиков наблюдается определенная двойственность орнаментации¹.

В-четвертых, сравнительный анализ технологии изготовления керамики не дает возможности проводить между приханкайской группой и орнаментальной группой № 2 непреодолимую черту, хотя некоторые интересные детали здесь и наблюдаются. Так, керамика орнаментальной группы № 2 обнаружила определенную тенденцию к технологическому своеобразие. Она не отошлась тальком, отличалась грязно-желтой цветовой гаммой и чаще имела на поверхностях слой коричневой обмазки. В то же время все перечисленные черты отмечаются и в керамике приханкайской группы, хотя и в меньшей степени. В том числе и использование пресноводного моллюска для отошения керамики (рис. 3: 16; 4: 6).

Таким образом, обобщая все наши рассуждения о единстве керамического комплекса финального неолита поселения Анучино-14, необходимо отметить и подчеркнуть следующее. Эта керамика, безусловно, едина с точки зрения условий залегания, форм посуды и способов формовки венчиков. Но вместе с тем она явно демонстрирует распад на две сравнительно обособленные группы, что проявляется прежде всего в орнаменте и в определенной степени в технологии керамического производства. Естественно, что на таком фоне следующий шаг в направлении дальнейшего изучения рассматриваемого керамического комплекса должен быть связан с ответом на вопрос, результатом чего является его неоднородность.

Самый легкий ответ — керамика второй орнаментальной группы представляет еще один, самый ранний и незамеченный во время раскопок культурный горизонт поселения Анучино-14 — не может быть принят, исходя из условий залегания находок, а также из факта наличия элементов взаимопроникновения двух обозначенных орнаментальных групп. Скорее всего керамический комплекс поселения Анучино-14 демонстрирует нам момент проникновения в состав приханкайской группы памятников какого-то иного культурного компонента. Любопытно, что сохраняющаяся орнаментальная и некоторая технологическая обособленность существуют на фоне полного тождества форм керамических емкостей и способов формовки венчиков, близки и орнаментальные мотивы — вертикальный зигзаг, и традиция орнаментировать, хотя и разными способами, венчики. Возможно, вклинивающийся инородный компонент не был принципиально чужд приханкайскому населению.

Правоммерность общего хода наших рассуждений видна при обращении к анализу других археологических памятников финального неолита Приморья.

С одной стороны, в Приморье известна целая группа памятников, керамика которых содержит в «чистом» виде приханкайские черты. Это поселение Кроуновка (нижний слой), Новоселище-4 (нижний слой), Боголюбовка². С другой стороны, исследования последних лет выявили на территории Приморья и такие памятники, керамика которых содержит также в «чистом» виде черты, характерные для орнаментальной группы № 2. Пока достоверно можно говорить лишь об одном таком памятнике. Речь идет о Глазовке-городище, открытом и исследованном в 1998 г. С.А. Коломийцем*. Здесь был обнаружен сильно потревоженный более поздними обитателями памятника неолитический слой, представленный фрагментами слабопрофилированных керамических сосудов. Посуда украшалась вертикальными зигзагами, выполненными в технике «зубчатого колесика», имела венчики, оформленные подтреугольными в

* Авторы благодарят С.А. Коломийца за предоставленную возможность зарисовать и проанализировать материалы памятника Глазовка-городище.

сечении валиками, и была изготовлена из формовочной массы с обильной примесью дробленого моллюска³.

Не менее важно для подтверждения наших выводов и то обстоятельство, что уже сейчас вполне определенно прослеживается связь второго орнаментального компонента керамического комплекса поселения Анучино-14 и неолитической керамики Глазовки-городища с кругом памятников вознесеновской археологической культуры финального неолита в Приамурье. Для керамики этой культуры также характерны примесь пресноводного моллюска, вертикальные зигзаги, выполненные «зубчатым колесиком», а также формы сосудов и способы формовки венчиков, известные нам по материалам неолитических коллекций поселения Анучино-14 и Глазовки-городища. Причем важно, что названные черты не просто так или иначе присутствуют в вознесеновской культуре Приамурья, а собственно, формируют ее типологическое своеобразие. Вероятно, следует признать, что северные и центральные районы Приморья входили в ареал распространения вознесеновской археологической культуры, составляя один из его периферийных районов. Подтверждением этой мысли служат, в частности, и исследования последних лет памятников неолита в долине р. Большой Уссури⁴.

Керамический комплекс финального неолита поселения Анучино-14 позволяет актуализировать один из важных вопросов изучения финального неолита Приморья. Долгие годы исследователи не проводили различий между керамикой, украшенной вертикальными зигзагами, выполненными в технике прочеса (протаскивания), и керамикой, украшенной вертикальными зигзагами, выполненными в технике «зубчатого колесика». В традиционной историографии они рассматривались как принадлежащие одному культурному контексту — зайсановскому⁵. Считалось, что памятники, где преобладает вторая из двух традиций, представляют более ранний этап его развития (Синий Гай А, нижний слой), а памятники, где преобладает первая, напротив, более поздний (Синий Гай Б). Между тем исследования последних лет (обоснование приханкайской группы памятников, открытие поселений Анучино-14 и Глазовки-городища) показали, что такая позиция не вполне правомерна. Становится все более очевидным, что создатели той и другой керамических традиций представляют различные в культурном отношении группы людей, которые в то же время могли контактировать друг с другом, образуя смешанные керамические комплексы. Более того, активные исследования неолитических памятников Приамурья последних лет позволили вполне определенно, на наш взгляд, сопоставить одну из двух названных керамических традиций с культурным ареалом вознесеновской археологической культуры Приамурья. Поиски аналогий другой керамической традиции ведут в Северо-Восточный Китай, но пока близкий им круг памятников окончательно не выявлен.

¹ Яншина О.В. К проблеме выделения маргаритовской археологической культуры // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 77—84.

² Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновки в Приморье // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 208—210; Ключев Н.А., Жушиховская И.С. К вопросу об освоении Приморья во II—I тыс. до н.э. (по материалам поселения Новоселище-4) // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Вып. 1. С. 30—33; Гарковик А.В. Новый неолитический памятник Боголюбовка-1 // Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). Препр. Владивосток, 1989. С. 8—10.

³ Коломиец С.А., Дорофеева Н.А., Афремов П.Я. Предварительные результаты исследований памятника Глазовка-городище // Археологические открытия 1998 г. М., 2000. С. 304—305.

⁴ Ключев Н.А., Гарковик А.В. Особенности керамических комплексов стоянки Дальний Кут-15 в Приморье (по результатам исследований 2000—2001 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 52—60.

⁵ См. например: Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987; Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток, 1992.

SUMMARY. The article of the Candidates of Historical Sciences Nikolay Kliuev and Oksana Yanshina «The Final Neolithic Period in Primorye: A New View of the Old Problem» is about one of the most dynamic trend in archaeology of Primorye — Neolithic study. On the base of investigation of a new site of the final Neolithic period of Primorye — Anuchino-14 Site the authors managed to stress the problem of difference between two ceramic-study traditions that represent two different in cultural aspect groups of people.